

УДК 81'25

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДИМОСТИ: КУЛЬТУРНАЯ НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ

© Сергей Евтеев, Лев Латышев

ON TRANSLATABILITY: CULTURAL UNTRANSLATABILITY

Sergej Evteev, Lev Latyshev

The requirement for the translated text to provide the impact on its readers equivalent to the impact which the target text has in its linguistic and cultural community is insufficient as the equivalent impact can be achieved not only by means of translation but also by other kinds of language intermediation (abstract, retelling, etc.). The content of the text in a different language, however, may differ from the original one. Therefore, another requirement for the translated text is its maximal semantic and structural similarity to the original one. However, there appear some contradictions between the two requirements because the principle of equivalent impact very often neglects linguistic parallels with the original because of the translator's lack of knowledge about ethno-cultural and actual event realities. In order to avoid such pre-informational incongruities, it is necessary to introduce additional information in a form of translator's notes. In some cases, however, it is impossible to overcome the discrepancy in knowledge, which makes the translation possible only at the level of partial equivalency or even impossible, the case of cultural untranslatability. Consequently, the postulate of "principal translatability" by W. Koller is accepted with some reservation, as principal translatability does not exclude the possibility of partial translatability or untranslatability. Translation practices have showed that the overall percentage of the translatable considerably surmounts the percentage of the untranslatable. The scale of translatable – untranslatable phenomena depends largely on the type (genre) of the text.

Keywords: principal translatability, cultural untranslatability, translator's notes, equivalent impacts of the translated and the source text, methods of translation, pre-informational knowledge.

Требование к тексту перевода, который должен обладать по отношению к своим адресатам тем же потенциалом воздействия, что и исходный текст по отношению к адресатам в своем языковом и культурном сообществе, является недостаточным. Равновоздейственность обоих текстов может быть обеспечена не только переводом, но и другими видами языкового посредничества (рефератом, пересказом и т. п.). При этом содержание текста на другом языке может отличаться от содержания оригинала. Поэтому другим требованием является то, что переводной текст должен быть в максимально возможной мере семантико-структурным аналогом исходного текста. Между этими требованиями возникают противоречия, поскольку принцип равновоздейственности нередко требует отхода от языковых параллелей с оригиналом. Причиной этого зачастую является отсутствие у получателя перевода достаточной информации об этнокультурных и актуальных событийных реалиях, присутствующих в исходном тексте. Для устранения подобных преинформационных несоответствий между носителями исходных и переводных языков и культур в текст перевода вносятся дополнительные сведения, например, в виде примечаний переводчика. Однако в некоторых случаях не удастся полностью преодолеть неравенства преинформационных знаний, и поэтому перевод становится возможным лишь на уровне частичной эквивалентности или вообще невозможен, что означает культурную неперевоаемость. Поэтому постулат «принципиальной перевоаемости» В. Коллера принимается с существенной оговоркой: принципиальная перевоаемость не исключает возможности неполной перевоаемости и неперевоаемости. При этом переводческая практика показывает, что суммарное количество перевоаемого несопоставимо превосходит суммарное количество неперевоаемого. Масштабы перевоаемого и неперевоаемого в существенной мере зависят от типа (жанра) исходного текста.

Ключевые слова: принципиальная перевоаемость, культурная неперевоаемость, примечания переводчика, равновоздейственность текстов в переводе, приемы перевода, преинформационные знания.

Поскольку понятие «переводимость» – производное от понятия «перевод», уточним, что перевод – это «вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста оригинала передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» [Комиссаров, 2002, с. 411]. В дефиниции В. Н. Комиссарова ключевым является атрибут «коммуникативно равноценный». Что значит быть коммуникативно равноценным текстом?

Текст – это речевое произведение, а речь – это средство, орудие. Люди говорят / пишут для того, чтобы оказать на адресата своей речью определенное воздействие: изменить уровень его информированности, эмоциональное состояние, побудить к чему-то и т. д. Поэтому коммуникативно равноценны тексты, которые (в первую очередь) равноценны по потенциалу воздействия на своих адресатов. «Цель языкового посредничества есть создание <...> возможности вызвать у адресата определенный коммуникативный эффект, но не сам вызов коммуникативного эффекта» [Каде, с. 83]. Если эффект оказался иным, чем тот, на который рассчитывал автор оригинала, в этом не всегда виноват переводчик. Переводчик ответственен за «срыв» коммуникативного эффекта, только если он произошел из-за его неверного перевода.

Однако равнозначность переводного текста оригиналу – это еще не все, что требуется от перевода согласно его конвенциональной норме. «Конвенциональная норма перевода – требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности» [Комиссаров, 2002, с. 409]. В известном смысле равноценный коммуникативный эффект может быть обеспечен не только переводом, но и иным способом, например, заменой оригинала текстом на другом языке, содержание которого имеет мало общего с содержанием оригинала. Из переводческой практики известен случай, когда переводчик во время беседы вместо перевода анекдотов заменял их забавными сюжетами на переводном языке. Подобную замену переводчик оправдывал тем, что целью общения в данной ситуации является переход от официального к неформальному, дружескому общению. А местные забавные истории больше способствуют созданию непринужденной атмосферы, чем натужно переведенные анекдоты со своей культурной и языковой спецификой, в которых не всегда удается сохранить комический эффект. Иными словами, переводчик считал, что своими подменами он обеспечил достижение цели коммуника-

ции. Нам же очевидно, что использованный прием ничего общего с переводом не имеет.

Иногда другие виды языкового посредничества – пересказ, сокращенный или выборочный перевод, реферат и т. п. – более эффективны, чем перевод [Евтеев, Латышев], но их нельзя выдавать за него, поскольку авторство переводного текста приписывается создателю оригинала и соответственно текст перевода может цитироваться как слова автора [Комиссаров, 1980, с. 31]. Чтобы соответствовать такому требованию, перевод среди прочего в максимально возможной мере должен воспроизводить и семантико-структурные параметры оригинала.

Между этим требованием к переводу и требованием равноценности воздействия исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ) периодически возникают противоречия, поскольку принцип равнозначности нередко требует отхода от языковых параллелей с оригиналом, например: англ. *Hold the line* – нем. *Bleiben Sie am Apparat* – русск. *Не вешайте трубку*. Разрешаются такие противоречия с помощью оптимального (наилучшего для каждого конкретного случая) переводческого решения. Описать общий алгоритм нахождения такого решения невозможно, поскольку в шкале ценностей, которыми руководствуется переводчик, существуют лишь переменные величины.

По той же причине возможно не одно, а несколько оптимальных, конкурирующих друг с другом переводческих решений. В условиях отсутствия правил поиска оптимального варианта перевода важное значение приобретает основанное на опыте «внутреннее ощущение удовлетворенности выполненным переводом» [Цвиллинг, с. 77–78], верифицировать которое в какой-то мере помогает знание теории перевода, переводческих прецедентов.

Сделав эти необходимые предварительные замечания, мы можем перейти непосредственно к заявленной в заголовке тематике, к которой в разные времена обращались известные лингвисты и переводоведы. Это свидетельствует о ее важности для теории и практики перевода. Проблематику переводимости и непереводимости рассматривали многие авторы. Так, Вильгельм Гумбольдт считал «всякий перевод безнадежной попыткой разрешить невыполнимую задачу» (цит. по: [Федоров, с. 31]). Л. С. Бархударов и В. Коллер в противоположность В. Гумбольдту говорили о принципиальной возможности перевода (переводимости), поскольку, по их мнению, все, что выражено одним языком, может быть выражено (переведено) другим языком [Бархударов, с. 25–26], [Koller, с. 152].

Последнее слово в дискуссии о переводимости / непереводимости принадлежит практике, которая, как известно, является критерием истинности. Успешная практика коммуникации с переводом в глобальном масштабе убедительно доказала, что переводимого несопоставимо больше, чем непереводимого. Говорить о подавляющем перевесе переводимости над непереводимостью позволяет тот факт, что с помощью перевода разноязычные люди по всему миру успешно общаются друг с другом на международных встречах и конференциях, согласовывают свои действия на совещаниях специалистов и дипломатических встречах, обмениваются культурными ценностями и т. д.

Какова природа непереводимости? Очевидно, что отправитель текста ориентирует его на определенный уровень предварительной информации (преинформации), которым, по оценке автора, должен обладать адресат. Адекватный отправитель не станет говорить с маленьким ребенком так же, как со взрослым, или с профаном, как со специалистом, и т. д. Ошибка в оценке необходимых предварительных знаний у адресата чревата срывом коммуникации. Это относится как к одноязычной, так и к двуязычной коммуникации с переводом, однако с той разницей, что в двуязычной коммуникации с переводом фактор преинформационного несоответствия проявляется значительно чаще из-за отсутствия у адресата сведений об этнокультурных и актуальных событийных реалиях, которые в явном или неявном виде присутствуют в исходном тексте.

Иными словами, для достижения равноценности речевого воздействия ИТ и ПТ переводчик не только должен передать ИТ с помощью иной языковой системы и в соответствии с иной языковой и речевой нормой, но и приспособить создаваемый текст к иному этнокультурному восприятию. Чаще всего это удается, но не всегда.

Попытка использовать перевод при отсутствии у носителей ПЯ необходимых этнокультурных предпосылок для его адекватного восприятия может привести к конфликтной ситуации. Весьма показательный пример такого рода привел в устной беседе доктор филологических наук А. Н. Крюков. В середине 1950-х гг. один из видных государственных деятелей Индонезии во время визита в СССР, заканчивая свое выступление перед общественностью Москвы, сказал: «На этом я заканчиваю, так как скоро время вечерней молитвы и Вы, конечно, торопитесь». Аудитория восприняла это как шутку и встретила фразу смехом. У оратора это вызвало недоумение и обиду. А. Н. Крюков считает, что в этом случае правильным был бы неперевод. Но чем мог за-

полнить свой «неперевод» переводчик? Возможно, какой-нибудь дежурной фразой типа: «А теперь позвольте попрощаться и пожелать вам доброго вечера». Однако подобного рода подмены возбраняются, поскольку не соответствуют норме перевода. Особенно, если тот, кого переводишь, имеет высокий официальный статус. По сути, здесь имела место тупиковая ситуация.

Устранение «преинформационных препятствий» входит в задачу переводчика. Для этого используются разные приемы, некоторые из которых мы продемонстрируем на примерах:

1. *Er leidet an Föhnkrankheit.* – Он подвержен фённой болезни, от которой многие страдают, когда с Альпийских гор дует фён – сухой и теплый ветер.

Здесь использованы три переводческих приема [Евтеев, с.17–24] [Латышев, с. 167–173]: а) транслитерация: *Föhn* – фён, воссоздание звуковой формы иностранного слова с помощью букв ПЯ; б) калькирование: *Föhnkrankheit* – фённая болезнь, перевод лексической единицы по ее составным частям («копирование» с помощью ПЯ); в) описательный перевод: *от которой многие страдают ...* С помощью комбинации из трех приемов невербальная преинформация преобразована в вербальную: если можно так сказать, «перешла из голов носителей ИЯ в текст перевода».

2. *Aus einem offenen Fenster gegenüber quakte ein Grammophon den Hohenfriedberger Marsch (Remarque E.M. Drei Kameraden).* – Из полуоткрытого окна напротив доносились квакающие звуки военного марша [Ремарк, с. 268].

В данном случае использован прием элиминации (исключения из содержания) национально-культурной специфики. Немецкая реалия *Hohenfriedberger Marsch* заменена общим понятием *военный марш*. Потеря небольшой детали исходного содержания в контексте художественного произведения абсолютно несущественна.

3. *Er benimmt sich wie ein Hanswurst.* – Он ведет себя как скоморох.

Hanswurst – грубый комический персонаж немецкого кукольного театра, традиционно ведущий себя непристойно, отпускающий неприличные шутки. Сравнение кого-то с этим кукольным персонажем означает крайнее неодобрение. Если в современном немецком языке *Hanswurst* – ругательство, то русский кукольный *Петрушка* – всего лишь комический персонаж, не имеющий столь плохой репутации. В этом отношении более близок к немецкому персонажу по своей отрицательной оценочной коннотации наш *скоморох*. *Скоморох* – в Древней Руси: певец, музыкант, бродячий комедиант; *перен.* не-

серьезный человек, потешающий других своими шутовскими выходками (разг. неодобр.) [Ожегов, с. 581]. Представляется, что, когда в наше время речь идет об оценке поведения человека, наиболее близким эквивалентом немецкого *Han-swurst* будет русское *скоморох*. Такую замену одной культурно-исторической реалии другой можно квалифицировать как приближенный перевод или уподобление, использование аналогий: русский странствующий артист уподобляется персонажу немецкого кукольного театра.

Однако переводчику не всегда удается нейтрализовать преинформационное неравенство между носителями ИЯ и ПЯ, не выходя за рамки переводного текста, и приходится помещать дополнительные сведения для носителей ПЯ за его пределами. Этот прием именуется *примечанием переводчика* и носит вспомогательный характер. В романе Э. М. Ремарка «Три товарища» между его главными героями Робертом и Патрицией за завтраком у нее дома происходит разговор, который в русском издании романа представлен следующим образом:

- Итак, что же ты хочешь, чай или кофе?
- Кофе, просто кофе, Пат. Ведь я крестьянин. А ты что будешь пить?
- Я выпью с тобой кофе.
- А вообще ты пьешь чай?
- Да.
- **Так зачем же кофе?** (выделено нами. – С. Е., Л. Л.)
- Я уже начинаю к нему привыкать. Ты будешь есть пирожные или сэндвичи?
- И то и другое <...>. Потом я еще буду пить чай ... [Ремарк, с. 157-158].

За исключением выделенной нами фразы, все реплики диалога переведены вполне удовлетворительно. Однако смысл *иносказательного* разговора остался скрытым для русского читателя, поскольку он не знает, что чай в Германии в те времена считался напитком высоких слоев общества, а кофе был обычным, народным, напитком. Для понимания смысла разговора необходимо также учитывать контекст предшествующей части романа: Роберт, влюбленный в Патрицию, постоянно терзался мыслью о том, что он ей не пара. Она – дочь офицера, а он – бедный парень, в недавнем прошлом простой солдат-фронтвик. К моменту разговора все это – уже пройденный этап их отношений, и они, подводя черту под прошлым, в шутовой иносказательной форме обещают друг другу любовь и согласие.

Чтобы раскрыть русскому читателю романа «тайный» смысл разговора двух влюбленных

можно использовать прием, именуемый *примечанием переводчика* (в скобках или в виде сноски) [Евтеев, с. 23–24], например: *В описываемые времена чай считался в Германии напитком высоких слоев общества, а кофе был напитком простого народа* – примеч. переводчика. В связи с тем, что примечание является завершенным высказыванием большого объема, его лучше оформить в виде сноски.

У примечаний переводчика есть два существенных недостатка. Первый заключается в том, что они ставят адресата оригинала и перевода в неравные условия в плане восприятия сообщения. Если адресат исходного текста имеет дело с одним текстом, то воспринимающий его в переводе имеет дело с двумя текстами – собственно переводом и примечанием, являющимся отдельным текстом. Переключение с одного текста на другой и обратно нарушает у читателя целостность восприятия, что особенно важно при чтении художественной литературы, важнейшее назначение которой – вызывать у читающего эмоционально-эстетические переживания (эмоционально-эстетическая функция литературно-художественного произведения). А в более общем плане это противоречит общественно детерминированному назначению переводческой деятельности: создавать переводные тексты (ПТ), в максимально возможной мере (в данных лингвистических и экстралингвистических условиях) равноценные исходным текстам (ИТ) как по своему речевому воздействию, так и по семантико-структурным средствам его реализации [Латышев, с. 20–21], что включает в себя возможность равноценного восприятия ИТ и ПТ.

Использование примечаний переводчика не только ставит носителей ИЯ и ПЯ в неравные условия восприятия сообщения, но и (особенно если примечаний много) превращает переводной текст в иной продукт языкового посредничества – нечто вроде пересказа, адаптированного для носителя ПЯ, с той лишь разницей, что дополнительная информация, необходимая для адаптации, помещена отдельными порциями за пределы основного текста. Использование комментария переводчика в устном переводе связано также с техническими трудностями. Так, иногда переводчику приходится просить у оратора разрешения сделать комментарий, требующий паузы в переводе.

Из сказанного явствует, что использование примечаний переводчика является чем-то вроде «хождения по грани переводимости», а результат, полученный при помощи таких примечаний, можно считать, используя термин А. Д. Швейце-

ра, переводимостью «на уровне частичной эквивалентности» [Швейцер, с. 107].

Невозможность нейтрализовать в переводе этнокультурное неравенство носителей ИЯ и ПЯ Дж. Катфорд именовал «культурологической непереводимостью» [Катфорд, с. 190]. Непереводимость такого рода отметила С. Г. Тер-Минасова: «<...> русское словосочетание черная кошка обозначает, как и английское *black cat*, одно и то же домашнее животное – кошку одного и того же цвета – черного. Однако в русской культуре, согласно традиции, примете, поверью, черная кошка приносит несчастье, неудачу, а поэтому словосочетание имеет отрицательные коннотации <...>. В английской литературе черные кошки – признак удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью „*Good Luck*“ сидят, к удивлению русских, именно черные кошки» [Тер-Минасова, с. 63].

Если бы возникла необходимость перевести песенку о черном коте на английский язык, то переводчик столкнулся бы с тупиковой ситуацией. Очевидно, что здесь неприменимы ни примечания переводчика, ни другие приемы компенсации неравенства предпосылок, необходимых для равноценной реакции носителей двух языков на содержание песенки, поскольку юмор не передаваем ни с помощью комментариев, ни с помощью добавления содержания в текст перевода или, наоборот, его опущения.

Помимо культурной непереводимости, отмечают еще два вида непереводимости, которые мы не имеем возможности охарактеризовать в ограниченных рамках данной статьи. Это непереводимость игры слов и невозможность воссоздать в переводе диалектальные особенности речи автора или его персонажей. По сравнению с культурной непереводимостью оба эти фактора проявляют себя в двуязычной коммуникации с переводом значительно реже.

Подведем итог вышесказанному. С одной стороны, перевод на практике доказал свою эффективность в глобальном масштабе как средство успешной коммуникации между людьми, не владеющими общим языком. С другой стороны, в некоторых случаях перевод либо вообще невозможен, либо возможен лишь на уровне частичной эквивалентности. Это происходит по причине непреодолимости (с помощью «легитимных» средств перевода) неравенства преинформационных знаний носителей ИЯ и носителей ПЯ (культурная непереводимость). В отдельных случаях культурная непереводимость может быть частично компенсирована примечаниями переводчика.

Все это означает, что постулат «принципиальной переводимости» В. Коллера (W. Koller)

может быть принят с одной существенной оговоркой: принципиальная переводимость не исключает возможности непереводимости и неполной переводимости. Она означает лишь, что суммарное количество переводимого несопоставимо превосходит суммарное количество непереводимого.

Сказанное является констатацией общего характера, не связанной с особенностями текстов и их типами. Масштабы переводимого и непереводимого в существенной мере зависят от типа (жанра) исходного текста. Каждый текст имеет собственное соотношение переводимого и непереводимого или, если можно так сказать, имеет собственный коэффициент переводимости. Тексты различного типа характеризуются различными коэффициентами переводимости. Так, вероятность культурологической непереводимости при переводе специальных текстов значительно ниже, чем при переводе фольклора или художественной литературы, поскольку специальные знания (преинформация), понятийные тезаурусы и актуальная тематика специальных отраслей – интернациональны. Разноязычных специалистов объединяет общий круг интересов, актуальных проблем, общий (пусть и разноязычный) понятийный аппарат.

Непереводимость неправомерно рассматривать как одну из «рабочих» трудностей перевода – типа тривиальных лексических и грамматических трудностей. Она обусловлена не естественными различиями языков, а есть «родовой» изъян перевода как одного из способов обеспечения коммуникации людей с разными языками и культурами, как результат общественно обусловленной «претензии» перевода на то, чтобы делать это на уровне, сравнимом с естественной, одноязычной, коммуникацией, с одной стороны, и невозможность полностью сравняться с ней, с другой.

Концепция переводимости / непереводимости является важным разделом теории перевода, знание которой имеет не только чисто научную, но и прикладную ценность. В частности, при подготовке переводчиков теоретические знания помогут преподавателю при обсуждении и оценке вариантов перевода использовать более доказательную, а следовательно, и более убедительную аргументацию. Рассмотрение культурной непереводимости позволяет конкретизировать представление о возможном и невозможном в переводе, переводимом и непереводимом, их соотношении. Это имеет определенную теоретическую ценность и может быть полезным для преподавателей перевода и их учеников – будущих переводчиков.

Список литературы

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

Евтеев С. В. Немецкий язык : практика перевода : учеб. пособие : уровни В2-С1 / С. В. Евтеев ; под ред. М. А. Чигашевой ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации ; каф. немецкого языка. М. : МГИМО-Университет. 2016. 289 с.

Евтеев С. В., Латышев Л. К. Перевод и языковое посредничество // Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 3 (11) / Гл. ред. В.А. Иовенко. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 80–86

Каде О. Проблема перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 69–90.

Катфорд Джон К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики: Пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2004. 208 с.

Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 167с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Латышев Л. К. Технология перевода: учебное пособие для вузов. 3-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 320 с.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., исп. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2017. 736 с.

Ремарк Эрих Мария. Три товарища. Пер. с нем. И. Шрайбера. М.: Издательство АСТ, 2017. 478 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. 3-е издание. М.: Изд-во МГУ, 2008. 350 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. М.: Восточная книга, 2009. 288 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Koller, W. (1983). Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, 2. durchges. u. erg. Auflage. 291 p.

Evteev, S. V. (2016). *Nemetskii iazyk : praktika pervoda : ucheb. posobie : urovni B 2-C 1* [The German Language: The Practice of Translation: A Manual: Levels B2–C 1]. S. V. Evteev ; pod red. M. A. Chigashevoi (ed. M. A. Chigasheva); Mosk. gos. in-t mezhhdunar. otnoshenii (un-t) Min-va inostr. del ros. federatsii ; kaf. nemetskogo iazyka. 289 p. Moscow, MGIMO - Universitet. (In Russian)

Evteev, S. V., Latyshev, L. K. (2017). *Perevod i iazykovoe posrednichestvo* [Translation and Language Intermediation]. Filologicheskie nauki v MGIMO: Zhurnal. No. 3 (11) / gl. red. V. A. Iovenko (Philology at MGIMO, Journal 3 (11), pp. 80–86, ed. V. A. Iovenko). Moscow, MGIMO -Universitet. (In Russian)

Fedorov, A. V. (1983). *Osnovy obshchei teorii pervoda (lingvisticheskie problemy)* [The Principles of General Theory of Translation (Linguistic Issues)]. 4- e izd., pererab. i dop (4 ed.). 303 p. Moscow, Vysshaia shkola. (In Russian)

Kade, O. (1978). *Problema pervoda v svete teorii kommunikatsii* [The Problem of Translation in the Light of the Theory of Communication]. Voprosy teorii pervoda v zarubezhnoi lingvistike. Moscow, Mezhdunar. otnosheniia, pp. 69–90. (In Russian)

Katford, Dzhon, K. (2004). *Lingvisticheskaia teoriia pervoda: ob odnom aspekte prikladnoi lingvistiki: per. s angl.* [Linguistic Theory of Translation: On One Aspect of Applied Linguistics: Trans. from English]. 208 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)

Koller, W. (1983). *Einführung in die Übersetzungswissenschaft* [Introduction to Translation Science]. 291 p. Heidelberg, 2. durchges. u. erg. Auflage. (In German)

Komissarov, V. N. (1980). *Lingvistika pervoda* [Linguistics of Translation]. 167 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

Komissarov, V. N. (2002). *Sovremennoe pervodovedenie: ucheb. posobie* [Modern Theory of Translation: A Manual]. 424 p. Moscow, ETS. (In Russian)

Latyshev, L. K. (2007). *Tehnologiya pervoda: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Technology of Translation: A Manual for University Students]. 3- e izd., stereotip. 320 p. Moscow, Izdatelskii centr “Akademiiia”. (In Russian)

Ozhegov, S. I. (2017). *Tolkovyi slovar russkogo iazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100 000 Words, Terms and Phraseological Expressions]. S. I. Ozhegov; pod red. Prof. L. I. Skvortsova (ed. L. I. Skvortsov). 27-е изд., ispr. 736 p. Moscow, Izdatelstvo AST, Mir i Obrazovanie. (In Russian)

Remark, Erikh Mariia (2017). *Tri tovarishcha* [Three Friends: A Novel]. Per. s nem. I. Shraibera. 478 p. Moscow, Izdatelstvo AST. (In Russian)

Shveitser, A. D. (1988). *Teoriia pervoda: status, problemy, aspekty* [Theory of Translation: Status, Problems and Aspects]. 215 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Ter-Minasova, S. G. (2008). *Iazyk i mezhkulturaia kommunikatsiia*. 3-е издание [Language and Intercultural Communication. 3-ed.]. 350 p. Moscow, Izd-vo MGU. (In Russian)

References

Barhudarov, L. S. (1975). *Iazyk i perevod (voprosy obshchei i chastnoi teorii pervoda)* [Language and Translation (the questions of general and special theory of translation)]. 240 p. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian)

Cvilling, M. Ya. (2009). *O pervode i pervodchikax. Sbornik nauchnyh statei* [On Translation and Translators. The Collection of Scholarly Articles]. 288 p. Moscow, Vostochnaia kniga. (In Russian)

The article was submitted on 24.01.2018
Поступила в редакцию 24.01.2018

Евтеев Сергей Валентинович,
кандидат филологических наук,
доцент,
начальник Управления языковой подготовки
и Болонского процесса,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России,
119454, Россия, Москва,
пр. Вернадского, 76.
sergevt@inbox.ru

Латышев Лев Константинович,
доктор филологических наук,
профессор,
Институт лингвистики и межкультурной
коммуникации,
Московский государственный областной
университет,
105005, Россия, Москва,
Радио, 10А.
nsprepod07@gmail.com

Evteev Sergej Valentinovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Head of Directorate of Language Training and
Bologna Process,
Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO-University),

76 Vernadskogo Prospekt,
Moscow, 119454, Russian Federation.
sergevt@inbox.ru

Latyshev Lev Konstantinovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Institute of Linguistics and Intercultural
Communication,
Moscow State Regional University (up to 2016),

10A Radio Str.,
Moscow, 105005, Russian Federation.
nsprepod07@gmail.com